

9. *Frankena W.*, Is Morality a Purely Personal Matter? // *Midwest Studies in Philosophy*, 1978, Vol. III, P. 122-132.
10. *Lewis H.B.*, Shame and Guilt in Neurosis, New York, International Universities Press, 1971, 525 p.
11. *Tangney J.P.*, *Dearing R.L.*, Shame and Guilt, New York, Guilford Press, 2002, 272 p.

**«Я И ДРУГОЙ»: ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(В КОНЦЕПЦИЯХ Э. ЛЕВИНАСА И З. БАУМАНА)**

М.М. Рогожа

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
(Киев, Украина)
mrogozha@ukr.net

Аннотация: В статье рассматриваются моральные основы взаимодействия «Я» и «Другого» в концепциях Э. Левинаса и З. Баумана. Непосредственное, подлинное взаимодействие возникает в момент случайной встречи двух одиночек, готовых пренебречь рутинной повседневности ради кропотливой работы по созданию отношения. «Я» готово к самопожертвованию и деятельной любви и не требует взаимности и обязательств от «Другого». Именно такого рода взаимодействие возможно в качестве морального отношения в мире «текущей современности» (З. Бауман).

Անոտացիա Մ. Մ. Ռոհոժա: Ես և Ուրիշը. Փոխազդեցության հիմքեր (Է. Լևինասի և Ջ. Բաումանի հայեցակարգերում): Հռոպածուսմ դիտարկվում են Ես-ի և Ուրիշի փոխազդեցության բարոյական հիմքերը Է. Լևինասի և Ջ. Բաումանի հայեցակարգերում: Անմիջական, իրական փոխազդեցությունն առաջանում է երկու միայնության պատահական հանդիպման պահին, ինչը պատրաստ է արհամարհել առօրեականության քարացածությունը հանուն հարաբերություն ստեղծող մանրակրկիտ աշխատանքի: Ես-ը պատրաստ է զոհաբերության և գործուն սիրո, և չի պահանջում փոխադարձություն և պարտականություններ Ուրիշից: «Հոսող արդիականության» աշխարհում որպես բարոյական վերաբերմունք հնարավոր է հենց այսպիսի փոխազդեցությունը (Ջ. Բաուման):

Abstract: M.M. Rohozha. *The Self and the Other: the Basics of Interactions (in the Concepts of E. Levinas and Z. Bauman)*. The author analyses the moral grounds for interaction of the Self and the Other in conceptions of E. Levinas and Z. Bauman. Immediate, unique face-to-face interaction starts at the moment of accidental emergence of two lonely persons, who are ready to neglect daily routine for painstaking work and to create moral relations. The Self is ready to self-sacrifice and active love and does not demand reciprocity and obligation from

the Other. It is the only kind of interaction that is possible in the world of «liquid Modernity» (Z. Bauman).

Мораль – это способ существования человека, она возникает там, где есть человек, но не сам по себе, а находящийся среди людей, взаимодействующий с ними. Э. Левинас, осмысляя духовную ситуацию современности, стремится отойти от характерных для эпохи Модерна представлений о морали как системе кодексов, законов, понятий, проникнуть в сущность этического отношения, подлинного отношения, которое способно преобразовать двоих, наполнить их духовный мир ценностями. Именно в этом Ж. Деррида усмотрел сердцевину этической концепции Левинаса [См.: 2, 668].

По Левинасу, только «Другой» дает возможность человеку почувствовать себя человеком, разорвать замкнутую на «Я» тотальность и выйти в мир во всей его бесконечности. «Принимать «Другого» за пределом возможностей «Я», а это как раз и есть: иметь идею бесконечности» [4, 88]. Принятие «Другого» – это специфическое отношение между «Я» и «Другим», которое ставит «Я» под сомнение, разрывая замкнутость «Я» на себя. Когда «Я» выходит за пределы данности, возвышается над собой, преодолевает себя, оно оказывается способным определить, кем оно является. Это оказывается возможным только посредством «Другого».

«Тот факт, что я существую для «Другого», существую иначе, нежели существовал бы для себя, есть сама моральность» [4, 254]. Моральность начинается там, где «Я» принимает «Другого», начинает отношение с «Другим», таким образом проблематизируя себя, ставя себя под сомнение. Отношение представляет собой взаимодействие, которое, по Левинасу, принимает форму словесного общения, беседы «Я» и «Другого».

Общение предполагает признание за «Другим» того же, что «Я» признает за собой, что означает признание «Другого» равным. Здесь поднятая Левинасом проблематика сопрягается с идеями А.А. Гусейнова, высказанными им в дискуссии на тему: «Что лежит в основе морали: исключительность или равенство?» (2005): «Мораль проистекает из равенства и сама есть равенство. Только это – не равенство единиц, а равенство бесконечностей, солнце – исключительно, единственно, и в то же время оно равно самому себе, более того, оно в силу своей единственности наиболее полно воплощает идею равенства, которая дана в формуле «А есть а». Бесконечности равны друг другу. Но нет ничего более исключительного, единственного, чем бесконечность; быть исключительным, единственным входит в определение бесконечности» [6]. Пафос этого высказывания заключается в том, что на уровне абстракций нет проблемы в соединении уникальности (исключительности) и равенства. Изначальная исключительность «Я» тяготеет к равенству «Я» и «Другого». Для того, чтобы между «Я» и «Другим» могло возникнуть моральное отношение, должно быть некое понимание общности, на основе которого возможно создавать единое пространство. Общаться, взаимодействовать – значит создавать общий мир, совместное пространство, «делать мир общим». В то же время отношение «Я» и «Другого» вполне может быть несимметричным.

Желание признания со стороны «Другого», стремление создать общее пространство подталкивает «Я» к несимметричности отношений, заданной изначально исключительностью «Я». Принятие «Другого» подразумевает способность «Я» приносить дар, жертвовать. «Мир в словесном общении – это уже не тот мир, что существует в разделении, не мой личный мир, где все принадлежит мне одному: этот мир есть то, что я приношу в дар – способность к общению, мышление, универсальность» [4, 109]. При этом, жертвенный характер отношения к «Другому» подразумевает, что для «Я» с самого начала не важно, как «Другой» относится к нему. Тут Левинас выходит на проблему ответственности за «Другого»; в принятии этой ответственности заключается призвание «Я». Это ключевой момент в несимметричности ответственности: для «Я» в жертвенности важно не то, как «Другой» относится к нему, а то, что «Другой» – это тот, за кого «Я» ответственен.

Левинас поясняет ответственность в терминах интенциональности, обращенности на «Другого», устремленности к нему. «Я» принимает ответственность за «Другого» в момент признания его. Ставя себя под вопрос, возвышаясь над собой, «Я» берет ответственность за «Другого». По Левинасу, ответственность безгранична, бесконечна, абсолютна. «Бесконечность ответственности выражает не ее безмерность в настоящий момент, а возрастание ответственности по мере того, как ее берут на себя; обязанности расширятся по мере того, как они выполняются» [4, 243]. Исследователи творчества Левинаса отмечают, что он находился под сильным влиянием русской литературы XIX в., особенно Ф.М. Достоевского. Как раз в этих словах Левинаса слышны отголоски поучения Старца Зосимы. На вопрос госпожи Хохлаковой, как возможно убедиться в бытии Бога и бессмертии души, Старец отвечает: «Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете... Любовь же деятельная – это работа и выдержка, а для иных так, пожалуй, целая наука» [3, 65-68]. Ответственность у Левинаса выходит на любовь к «Другому» как ближнему, на милосердие, любовь без эроса, любовь, где нравственное доминирует над страстью. И.С. Вдовина отмечает, что у Левинаса ответственность – это изначальное свойство человека, она рождается вместе с субъективностью как первичное влечение «Я», его призвание в бытии, которое «Я» не может никому передать, и не в состоянии уклониться, укрывшись в себя [1, 736].

Во взаимодействии «Я» и «Другого» рождается мораль. Она возникает в момент встречи двоих лицом к лицу. Здесь следует пояснить, что значит лицо, «лик «Другого»», по Левинасу. А.В. Ямпольская по этому поводу отмечает: «Лик – это не сам другой человек, а то, как мы его видим тогда, когда мы видим в другом человеке – «Другого». Или, точнее, – то, что позволяет нам его увидеть как «Другого»... Лик не есть феномен, он не показывает ни себя, ни «Другого», ни даже того, чем «Другой» кажется. Если лик «Другого» и являет мне нечто, то только мою собственную несостоятельность – этическую несостоятельность перед лицом уязвимости, ранимости «Другого» человека, но

равным образом и несостоятельность «гносеологическую»: неспособность схватывать абсолютность инаковости, с которой я сталкиваюсь в другом человеке» [7, 157-158]. Такой несимметричный, жертвенный характер человеческих отношений вскрывает двоих, оказавшихся лицом к лицу. Признавая «Другого», «Я» подтверждает его, принимает то, о чем он свидетельствует. Это свидетельство «Другого» о себе, выраженное «Я», и есть его лик. Лицом к лицу – это изначальное отношение, ни к чему не сводимое, непосредственное.

Таким образом, мораль возникает случайно в стечении обстоятельств между «Я» и «Другим», которые создают моральное взаимодействие спонтанно. «Я» принимает на себя ответственность, проявляя свою человеческую сущность, взаимодействуя с «Другим», ощущая к нему острое неравнодушие.

Эту концепцию Левинаса активно воспринял и задействовал З. Бауман при осмыслении проблемы взаимодействия «Я» и «Другого». Необходимо пояснить особенности исследований Баумана в свете общепринятых постмодернистских установок в этической теории. Со времени публикации Ж.П. Лиотаром книги «Состояние постмодерна» (1979) этические разработки в этой парадигме имеют несколько направлений. Одни носят описательный характер и удовлетворяют интеллектуальную потребность в описании духовных условий существования человека в современном мире. В такого рода исследованиях активное участие принимают интеллектуалы, довольно далекие от этики. Искусствоведы, лингвисты, историки культуры – они скорее отыскивают постмодернистские тенденции в сфере своей основной деятельности и экстраполируют их на область морали, обобщая найденные соответствия и делая их более выразительными. Иную направленность имеют изыскания, фиксирующие разрушение метанарративов Модерна и стремящиеся не допустить их возрождения из обломков ушедшей эпохи. В конструктивном ключе представители этого направления стремятся представить свои исследования как терапевтическое искусство, призванное «освободить человеческую духовность, субъективность, творческую активность ... от тех установок, норм, регулятивов, которые формировались в прошлом и в наше время превратились в иллюзии, ошибки, идиомы, тормозящие свободное развитие личности» [5, 52].

Бауман выходит на морально-этическую проблематику из области социологии, стремится показать судьбы морали и этики в мире Постмодерна. Следует сделать одно уточнение. В книге «Постмодернистская этика» (1994), открывающей цикл его текстов на морально-этическую тематику, Бауман принципиально различает мораль и этику. Этика занимается вопросами социального взаимодействия, прав человека, социальной справедливости и общего блага, в то время как мораль – это, прежде всего, индивидуальная мораль [10]. При этом о морали Бауман свидетельствует в левинасовском ключе как о взаимодействии «Я» и «Другого», а об этике – как о ценностно-детерминированном социальном пространстве, где «Другой» растворяется во многих, где лик исчезает, а появляется маска (*persona*), за которой прячется лицо; этика имеет дело с масками, а не лицами [11, 179]. В контексте обсуждаемой проблематики

ключевое значение приобретают вопросы морали, предшествующие каким-либо формам социальности, по Бауману.

Начинает Бауман свои исследования ценностных основ человеческого взаимодействия вполне в русле постмодернистской критики Модерна, утверждая, что мораль Модерна выводилась из ««универсальных», т.е. для всех на все времена [значимых] правил» [9, 2]. И сегодня после разрушения метанарративов единственное, что осталось от этой морали – пустота, в которой нет «суверенных, универсальных, конституирующих общество сверху инстанций». С метанарративами Модерна разрушена и моральная программа автономного субъекта, созданная в рамках проекта Просвещения. Человек утратил твердую почву под ногами; дезориентированный, он оказывается неспособным собственными силами сформировать новые общезначимые моральные основания.

В таких условиях человек остается один на один с проблемами ценностной ориентации в мире. Здесь возникает вопрос, выходящий далеко за рамки обсуждаемой темы: насколько актуальны поиски моральных регулятивов на уровне широких масс населения в современном мире? Представляется, что за исходное можно взять положение, что всегда есть некоторое количество людей, для которых эти поиски имеют смысл и значение. Именно на них и ориентируется Бауман, когда пишет: «Нет силы большей, чем человеческая воля, и более мощной, чем человеческое сопротивление, способной принудить индивидов быть моральными; нет авторитета более уважаемого и надежного, чем собственные желания и предчувствия, способного уверить [индивидов], что поступки, которые они считают пристойными, справедливыми, правильными – моральными – и на самом деле таковыми являются, и обезопасить их от ошибок, если они поступают неправильно» [9, 8]. Возникновение морали обусловлено одиночеством «Я», который ищет «Другого» и возможности единения с ним. До момента появления «Другого» индивид одинок. Кульминацией встречи становится возникающие общность и единение изначально одиноких двоих, вышедших за границы своего одиночества в акте принятия друг друга через самопожертвование. Именно изначальное одиночество и дает возможность раскрыться «Другому», является условием раскрытия «Другого».

Мораль, способная существовать в современном мире, может быть лишь жертвенным взаимодействием «Я» и «Другого». Взаимодействие двоих – это изначальная сцена нравственности, в которой зарождаются и зреют «Я» и «Другой», общаясь лицом к лицу. Пространство, в котором происходит их встреча, в котором каждый как «Я» существует ради «Другого», и является моральным пространством. Открытость «Другому» – это предпосылка общения, условие возможности взаимодействия, она задается чувствами и эмоциями, рождающимися спонтанно в человеческой душе в момент появления «Другого» [8, 56].

В «Постмодернистской этике» Бауман фактически излагает концепцию Левинаса с учетом условий и обстоятельств жизни человека в конце XX в., развивает идеи моральности как встречи «Я» с «Другим», несимметричности их взаимодействия, ответственности и жертвенности «Я». Он обсуждает взаимность как атрибут моральности, как правило отсутствующий во взаимодействии «Я» и «Другого» в условиях их изначальной несимметричности.

Несимметричность просматривается и в моральном требовании, которым «Я» обязывает себя по отношению к «Другому». Признание «Я» обязанности по отношению к «Другому» не требует эквивалентного признания «Другим» обязанности по отношению к «Я». И вместе с тем самообязывание «Я» по отношению к «Другому» не наделяет последнего правом чего-то ожидать от «Я». Бауман отмечает, что в отличие от приказа моральное требование, определяющее обязанность «Я», – нечеткое, расплывчатое; оно вынуждает «Я» быть его интерпретатором, погружая его в неизбежную неуверенность относительно правильности интерпретации.

Подобного рода взаимодействие возможно лишь в индивидуальном пространстве. Для Баумана принципиальным оказывается пояснение несоместности пространства морали с ежедневными делами, т.е. с тем миром повседневности, в который погружены все. Мораль возможна лишь как вспышка исключительности встречи за пределами повседневности. «Такое взаимодействие – слишком ограниченное пространство для «человеческого-существования-в-мире». В нем нет места для более чем двух деятелей. Она исключает большинство дел, наполняющих ежедневными хлопотами жизнь каждого человека... Для того, чтобы пребывать в пространстве морали, человеку необходимо... освободиться от ежедневных дел, временно вынести за скобки земные правила и договоренности» [11, 180]. Мораль – это не только взаимодействие жертвенного характера, что уже делает ее доступной лишь тем, кто готов и способен к такой жертве, безграничной ответственности, деятельной любви. В свете этого уточнения очевиден элитарный характер морали. Лишь тот, кто имеет возможность освободиться от ежедневных рутинных дел, может войти в пространство морали.

Левинас – мыслитель, прямо не заявивший о своей приверженности постмодернистской парадигме. Но его видение сущности этического отношения как подлинного взаимодействия двоих, способного их преобразовать силой ответственности, жертвенностью, деятельной любовью к ближнему оказывается актуальным в мире Постмодерна, который Бауман назвал «текучей современностью». Изменчивость, неуловимость, нестабильность современности обуславливают востребованность именно такого характера взаимодействия – жертвенного, непосредственного, возникающего при случайной встрече двух одиночеств, готовых пренебречь рутинной повседневности ради кропотливой работы по созданию отношения, не предполагающих непременно обоюдных обязательств и взаимности.

Список литературы

1. *Вдовина И.С.*, Ключевые понятия философии Левинаса // *Левинас Э.*, Избранное: Трудная свобода, Москва, РОССПЭН, 2004, С. 733-743.
2. *Деррида Ж.*, Насилие и метафизика / Пер. А. В. Ямпольской // *Левинас Э.*, Избранное: Трудная свобода, Москва, РОССПЭН, 2004, С. 591-662.
3. *Достоевский Ф.М.*, Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом // *Собрание сочинений в 12-и т., Т. 11*, Москва, Правда, 1982, 623 с.

4. Левинас Э. Тотальность и бесконечное / Пер. И. С. Вдовиной // Левинас Э., Избранное: Тотальность и Бесконечное, М.; СПб., Университетская книга, 2000, С. 66-91.
5. Соболь О.М., Постмодерн і майбутнє філософії, К., Наукова думка, 1997, 187 с.
6. Что лежит в основе морали: исключительность или равенство? // <https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/17.html> [доступ 9.10.2017]
7. Ямпольская А.В., Эмманюэль Левинас. Философия и биография, К., Дух и литера, 2011, 376 с.
8. Bauman Z., Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality, Oxford UK; Cambridge USA, Blackwell, 1995, vi, 293 p.
9. Bauman Z., Morality without Ethics // Theory, Culture and Society, 1994, Vol. 11, № 4, P. 1-34.
10. Bauman Z., Postmodern Ethics, Oxford, UK; Cambridge MA, Blackwell, 1994, vi, 255 p.
11. Bauman Z., The Individualized Society, Malden, Blackwell; Polity, 2001, 259 p.

ПРОБЛЕМА «ДРУГОГО» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭТИКИ

С.Г. Рюмин

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина (Россия, Рязань)
s.rumin@rsu.edu.ru

Аннотация: Проблема «Другого» является одной из важнейших философских проблем. В докладе рассматривается проблема «Другого» в философии, анализируются направления философии, в которых исследовалась данная проблема. Показывается проблема «Другого» в античной философии, в трудах Платона и Аристотеля, в средневековой философии, философии Нового времени, в творчестве Канта, в герменевтике, философии экзистенциализма, феноменологии. Раскрывается проблема «Другого» в философии Ивана Ильина. Анализируется значение Золотого правила для решения проблемы «Другого» в этике.

Անոտացիա: Ս. Գ. Ռյումին: Ուրիշի հիմնահարցը բարոյագիտության լույսի ներքո: Ուրիշի հիմնահարցը փիլիսոփայական կարևորագույն խնդիրներից է: Հռոլվածում դիտարկվում է Ուրիշի հիմնախնդիրը և ուսումնասիրվում են այս հարցը քննարկած փիլիսոփայական ուղղությունները՝ անտիկ փիլիսոփայության մեջ՝ Պլատոնի և Արիստոտելի ստեղծագործություններում, միջնադարյան, Նոր ժամանակների, Կանտի փիլիսոփայության, ինչպես նաև հերմենևտիկայում, էկզիստենցիալիզմում և ֆենոմենոլոգիայում: Ուրիշի հիմնահարցը ուսումնասիրվում է Իվան Իլյինի փիլիսոփայության համատեքստում: Ուրիշի հիմնախնդրի լուծման նպատակով վերլուծության է ենթարկվում նաև բարոյագիտության մեջ Ոսկի կանոնի նշանակության հիմնահարցը :